

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.346.349>

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ГОРБУНОВА В.В., ТИШКИНА А.А.
«КУРГАНЫ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ПРИОБСКОМ ПЛАТО. 2022 Г.»¹**

© 2025 С.Г. Боталов

В 2022 году вышла монография «Курганы сrostкинской культуры на Приобском плато», подготовленная учеными Алтайского государственного университета В.В. Горбуновым и А.А. Тишкиным. Издание посвящено обобщению и систематизации археологических материалов сrostкинских памятников, исследованных за 150 лет на Приобском плато. Основная публикационная часть монографии включает результаты исследований АГУ в конце 1990-х – начале 2000-х гг. 34 погребальных памятников левобережья Средней Оби, долины Нижнего Алея и Чарыша. В результате типологического анализа вещевого комплекса и последующей систематизации элементов погребального обряда установлена датировка некрополей в рамках 2-й половины VIII – XII в. н.э. (с разделением на этапы). Авторам удалось создать впечатляющую картину этносоциальных процессов, происходивших в среде населения сrostкинской общности в этот период и выявить устойчивые признаки, характерные для сrostкинских памятников исследуемого региона: курганные или гораздо реже грунтовые некрополи; рядное расположение захоронений с выделением центрального погребения; рвы или рамы-ограды; столбы в «изголовье» могил; наземные перекрытия могильных ям; внутримогильные рамы с перекрытием и полом; вытянутое положение умерших людей с ориентацией в восточный сектор. Сочетание всех этих признаков или наличие большинства из них можно объединить понятием «сrostкинский погребальный комплекс» в изучаемой культуре.

Ключевые слова: сrostкинский культурогенез, археологическая культура, погребальный комплекс, Приобское плато, тюрко-самодийские племена

**REVIEW OF THE MONOGRAPH "GORBUNOV V.V., TISHKIN A.A.
THE SROSTKI CULTURE BARROWS ON THE OB PLATEAU. 2022"²**

S.G. Botalov

In 2022, the monograph "The Srostki culture barrows on the Ob Plateau" was published, prepared by scientists of the Altai State University V.V. Gorbunov and A.A. Tishkin. The publication is dedicated to the generalization and systematization of archaeological materials of the Srostki sites studied over 150 years on the Ob Plateau. The main publication part of the monograph includes the results of ASU research in the late 1990s – early 2000s, including 34 burial sites on the left bank of the Middle Ob, the valley of the Lower Alei and Charysh. As a result of the typological analysis of the artifacts and the subsequent systematization of the burial rite elements, the necropolises were dated to the second half of the 8th to the 12th centuries AD (divided into stages). The authors managed to create a picture of the ethnosocial processes that took place among the population of the Srostki community during this period and to identify stable features characteristic of the Srostki sites of the studied region: barrow necropolises or, much less often, necropolises without mounds; a row arrangement of burials with the allocation of a central burial; moats or frame-fences; pillars at the "head end" of the graves; above-ground coverings of burial pits; intra-grave frames with a covering and a floor; an elongated position of the deceased with orientation towards the eastern sector. The combination of all these features or the presence of most of them can be united by the concept of "Srostki burial assemblage" in the studied culture.

Keywords: Srostki cultural genesis, archaeological culture, burial assemblage, Ob Plateau, Turkic-Samoyedic tribes

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20283 «Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)», <https://rscf.ru/project/24-28-20283/>

² The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-20283 "The world of the nomads of the Southern Urals in the light of Magyar archeology (VIII–XI centuries)", <https://rscf.ru/project/24-28-20283/>

Сросткинская культура (общность), несомненно, является культурным феноменом в средневековой истории степей Центральной и Западной Азии. Впечатляют территориальные границы, в рамках которых существовало кочевое и скотоводческое население этой культурной общности: Томское и Новосибирское Приобье, Кузнецкая котловина, Приобское плато, Верхнее Прииртышье. Однако территория сросткинского культурного влияния простиралась гораздо дальше на восток, вплоть до Енисея, и на запад – до Южного Урала.

В этой связи наш интерес к результатам обобщающих исследований по сросткинским памятникам вполне оправдан (Горбунов, Тишкин, 2022). В этом конкретном случае речь идет о памятниках Приобского плато. Следует согласиться с выводами авторов исследований, что во время существования сросткинского объединения, особенно в период его расцвета во второй половине IX – первой половине XI в., Приобское плато являлось географическим центром всего ареала культуры, именно там находятся самые крупные и «богатые» курганы. Это позволяет считать Приобское плато политический центр сросткинского объединения. Поэтому обобщение информации по всем раннесредневековым могильникам с этой территории в одном издании представляется актуальным.

Изучение этого ключевого сросткинского региона продолжается более 150 лет. В монографии приводится не просто историографический анализ, а систематизация исследований, проводимых в Приобском плато с 1860 года. В целом этот процесс включил три исследовательских этапа. Первый из них (1860–1910-е гг.) характеризуется началом эпизодических раскопок, создавших определенный задел для дальнейших работ. Второй период (1960–1980-е гг.), несмотря на преобладание попутного (аварийно-спасательного) характера раскопок, привел к значительному росту источниковой базы и включению территории Приобского плато в ареал уже выделенной сросткинской культуры. Третий период (1990–2000-е гг.), помимо охранных работ, отмечен целенаправленными раскопками сросткинских могильников, более активной их публикацией, в том числе и предыдущих результатов.

Информация, приводимая в публикациях, до начала XXI века по первым двум этапам

носила зачастую краткий обзорный характер. Вероятно, это послужило причиной публикации итогов исследования памятников XIX–XX вв. в наиболее развернутом виде, позволяющем представить те или иные сведения в общестатистической характеристике сросткинской культуры рассматриваемого региона. Основная публикационная часть монографии посвящена результатам исследований АГУ в конце 1990-х – начале 2000-х гг. 34 погребальных памятников левобережья Средней Оби, долины Нижнего Алея и Чарыша, где было исследовано 56 курганов, включающих 108 погребений.

Публикационная часть логично продолжается анализом вещевого комплекса и погребального обряда. Типология предметов вооружения, конского снаряжения, костюма и бытового инвентаря позволила авторам в итоге построить детальную хронологию курганов и могильных комплексов, а также общую хронологию сросткинской культуры Приобского плато, которая состоит из четырех этапов. Из них наибольшее число памятников относится ко второму, грязновскому этапу, 2-я половина IX – первая половина X в., включающему 10 памятников: Быково-IV, Грязново I–IV, Камень-II, Нечунаевский Елбан – 2, Успенковка-II, Хабазино-4, Яровское-III (из них памятник Хабазино-4 является более ранним, а Грязново-III и Камень-II – более поздними). К третьему, шадринцевскому этапу, вторая половина X – первая половина XI в., относятся 11 памятников: Гоньба, Грань, Заковряшино, Камень-1, Кучук-1, Поповская Дача, Поспелихинский, Прудской, Рогозиха-1, Филин-1, Яровское-V (из них памятники Грань и Рогозиха-1 являются более ранними, а Поповская Дача и Прудская – более поздними).

Наиболее ранний, иньский этап, вторая половина VIII – первая половина IX в., включает только три памятника: Кипринский Борок – 7, Мало-Панюшово и Плотниково, к самому позднему, змеевскому этапу, вторая половина XI–XII в., относятся четыре памятника: Барчиха, Боровиково-IV–V, Ильинка. Вероятно, эти этапы характеризуют период становления и распада сросткинской культуры.

Установление тройной хронологии, благодаря глубокой систематизации вещевого комплекса и последующей систематизации элементов погребального обряда, позволило авторам создать впечатляющую картину

этносоциальных процессов, происходивших в среде населения сросткинской общности. Эти выводы, на наш взгляд, являются своеобразным эксклюзивным итогом данного исследования. В конечном результате удалось выявить устойчивые признаки, характерные для сросткинских памятников исследуемого региона: курганные или гораздо реже грунтовые некрополи; рядное расположение захоронений с выделением центрального погребения; рвы или рамы-ограды; столбы в «изголовье» могил; наземные перекрытия могильных ям; внутримогильные рамы с перекрытием и полом; вытянутое положение умерших людей с ориентацией в восточный сектор. Сочетание всех этих признаков или наличие большинства из них можно объединить понятием «сросткинский погребальный комплекс» в изучаемой культуре.

Рассмотрение происхождения курганных и могильных конструкций, а также типов погребений позволило выделить в составе сросткинского общества четыре условных этнических компонента: тюркский, самодийский, кыпчакский и угорский. В процессе развития сросткинского общества они имели разное значение. Основными являлись тюркский и самодийский, который доминировал численно, но появление именно тюркского населения привело к образованию нового объединения. Слияния населения Приобского плато в один этнос не произошло, что было обусловлено в том числе социальными отношениями.

Сравнительный анализ инвентарных наборов из могил с элементами погребального обряда выявил различные уровни имущественной, профессиональной и социальной стратификации сросткинского общества Приобского плато. Было выделено четыре имущественных группы населения: «богатые», «состоятельные», «малоимущие» и «неимущие». В первой из них преобладали тюрки и кыпчаки, в остальных – самодийцы. Сходная тенденция обозначалась и при выделении пяти групп воинских погребений, где командирами среднего и высшего звена оказались тюрки и кыпчаки, а в рядовом и младшем командном составе было больше самодийцев. Среди четырех социальных групп в составе «правлящей элиты» оказались представители тюрков и кыпчаков, в составе «племенной «аристократии» – представи-

тели тюркского и самодийского этносов при преобладании последнего, в составе «простого народа» – самодийцы и небольшое число тюрков и угров, в составе «зависимого населения» – только самодийцы.

Думается, проведенные представления не вызывают возражения у рецензента, как, вероятно, и у многих исследователей сросткинской проблематики, потому как являются своеобразным обобщением уже существующих многочисленных заключений.

Сросткинская культурная общность Приобского плато в изложении исследований В.В. Горбунова и А.А. Тишкина представляется своеобразным цельным историко-культурным явлением, интегрирующим основные характерные черты данной культуры.

Однако при этом продолжают оставаться определенные вопросы, которые связаны с региональным своеобразием культурных проявлений этой общности в рамках всего макрорегиона ее существования. Это касается характера курганных конструкций, ориентировки погребений, захоронений лошади, наличия кремации и др. Не углубляясь в эти исследовательские нюансы, тем более они не являются задачами настоящего исследования, заметим лишь один парадокс: памятники более западной группы (Верхнее Поиртышье, Средняя долина Алея), исследованные и опубликованные В.И. Могильниковым, по общим чертам, безусловно, входят в единый ареал сросткинской общности, однако содержат целый ряд существенных отличий (каменные насыпи, набросы, ограды, значительная доля и разнообразие керамики) (Могильников, 2002, с. 67–80, рис. 214). Устойчивое региональное своеобразие наблюдается и в других западных регионах распространения памятников сросткинского типа: Казахское Поиртышье (II Бобровский могильник), Южное Зауралье (Синеглазовский и Уелгинский могильники).

Однако, как уже указывалось, вопросы динамики сросткинского культурогенеза на грязновском и фоминцевском этапах наивысшего его развития остались за пределами настоящей монографии. Думается, это следующий исследовательский этап изучения этого удивительного явления, которое называется сросткинской культурной общностью.

ЛИТЕРАТУРА

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сrostкинской культуры на Приобском плато. Барнаул: АлтГУ, 2022. 320 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Информация об авторе:

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия); grig@csc.ac.ru

REFERENCES

Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2022. *Kurgany srostkinskoy kul'tury na Priobskom plato (The Srostki culture barrows on the Ob Plateau)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Botalov Sergey G. Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy St 16, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; South Ural State University, Lenin prospekt, 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; grig@csc.ac.ru

Статья поступила в журнал 27.04.2025 г.
Статья принята к публикации 18.06.2025 г.